

Великая российская революция в современной зарубежной историографии

Игорь Богомолов

The Russian Revolution in the contemporary foreign historiography

Igor Bogomolov

(Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870016601-2

В 1992 г. британский историк А. Вуд посетовал, что в новой России не будет официально отмечаться 75-я годовщина Октябрьской революции. Он опасался, что её «маргинализуют», а исследователи бросятся «романтизировать до-революционное прошлое, восстанавливать павших идиологов и даже превозносить фигуры и институты, которым нет места в беспристрастном анализе глубинных причин свержения царского режима в Феврале и политического триумфа Советов в Октябре. Другими словами, существует опасность полного отказа от подходов и выводов более ранних исторических школ». Большевиков, по образному выражению учёного, могли «выплеснуть вместе с ребёнком и водой»¹.

Спустя почти 30 лет эти рассуждения воспринимаются двойственно. С одной стороны, очевидно, что Вуд драматизировал и переоценил влияние политической конъюнктуры на изучение российской революции. Распад СССР действительно «вдохнул новую жизнь в консервативно-либеральные интерпретации» советского эксперимента². Неслучайно на 1990-е гг. пришёлся пик популярности в России работ Р. Пайпса, В. Лакёра и М. Малиа, которые со времён холодной войны рассматривали революцию 1917 г. и большевистский режим как исторически обречённую «девиацию»³. Однако то, что Д. Ширер назвал «возрождением старой школы», продолжалось недолго и не внесло ощутимого вклада в историографию⁴.

С другой стороны, опасения Вуда по поводу «маргинализации» революции сегодня не выглядят беспочвенными. В последние десятилетия при изуче-

© 2021 г. И.К. Богомолов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-19-50221.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-19-50221.

¹ Wood A. Guest editor's introduction: the Bolsheviks, the baby and the bathwater // *European History Quarterly*. Vol. 22. 1992. № 4. P. 484, 485.

² Большакова О.В. Поверх барьеров: американская русистика после холодной войны. М., 2013. С. 34.

³ См.: Laqueur W. *Fate of the Revolution: interpretation of Soviet history from 1917 to the present*. N.Y., 1987; Pipes R. *Russia under the Bolshevik regime*. N.Y., 1993; Malia M.E. *The Soviet tragedy. A history of socialism in Russia, 1917—1991*. N.Y., 1994.

⁴ Shearer D. From divided consensus to creative disorder: Soviet history in Britain and North America // *Cahiers du Monde Russe*. Vol. 39. 1998. № 4. P. 568. С. Коткин метко окрестил это «почётной отставкой» тоталитарной концепции, отыгравшей свою мобилизующую и пропагандистскую роль в противостоянии СССР и Запада: Kotkin S. 1991 and the Russian Revolution: sources, conceptual categories, analytical frameworks // *Journal of Modern History*. Vol. 70. 1998. № 2. P. 425.

нии позднеимперской и раннесоветской истории фокус внимания сместился на культурные, региональные, гендерные, религиозные сюжеты. Во всех этих случаях революция упоминается, подчёркиваются её значение и влияние, но в центр исследований она ставится всё реже. П. Холквист объяснял это тем, что у историков пропала необходимость «обсуждать Октябрь с точки зрения легитимности советского режима»⁵. В обзоре англо-американской историографии Р. Уэйд отметил, что по сравнению с 70-летием «юбилей» 1997 и 2007 гг. прошли с гораздо меньшим размахом. Однако ему казалось «слишком просто и, возможно, даже неправильно» напрямую связывать этот спад с окончанием холодной войны. Основная, но неочевидная причина — открытие архивов для зарубежных специалистов, которое вызвало повышенный интерес к ранее неизученным и запретным сюжетам⁶.

В этом смысле «юбилей» 2017 г. стоит особняком. Столетие — во многом символическая дата, весомый повод для переосмысления прошлого и его влияния на современность. Здесь (что бывает довольно редко) сошлись интересы и устремления специалистов и широкой общественности. Состоялось множество конференций, выставок⁷, в разных уголках мира вышли монографии и сборники статей, тематические номера ведущих научных журналов по истории, политологии, социологии. Поток публикаций растянулся на несколько лет, захватив «юбилей» Первой мировой и Гражданской войн. Ныне назрела необходимость выделить основные тенденции развития зарубежной историографии российской революции, оценить путь, пройденный ею за последние десятилетия. Это важно и для более полного понимания состояния отечественной исторической науки. Как верно отметил В.П. Булдаков, «взгляд со стороны необходим хотя бы в целях профилактики “автохтонной” историографии от “застойных” явлений»⁸.

Прежде всего следует подробнее остановиться на самом понятии «зарубежная историография». Сегодня её границы размываются вследствие глобализации и тесного переплетения научных связей. Но сотрудничество не означает стирания региональных особенностей. И сегодня вполне правомерно говорить об американской, английской, французской, немецкой, испанской, китайской историографии российской революции. Исходя из этого, в данной статье анализируется научная литература, написанная учёными за пределами России. Основная часть привлечённых работ написана на английском языке. Однако учитываются и работы на других языках, так как обзоры последних лет нередко посвящены только литературе, вышедшей, например, на немецком, китайском, испанском или иврите, но не переведённой на английский⁹.

⁵ Russian Modernity: politics, knowledge and practices, 1800—1950 / Ed. by D. Hoffmann, Y. Kotsonis. L., 2000. P. 87.

⁶ Wade R. The Revolution at Ninety-(One): Anglo-American historiography of the Russian Revolution of 1917 // Journal of Modern Russian History and Historiography. Vol. 1. 2007. № 1. P. 1—2.

⁷ Подробнее о зарубежных выставках, посвящённых столетию российской революции, см.: Orlovsky D. An introduction to «Visualizing Russian History». The Russian Revolution Centennial: exhibitions, collections, audience // Slavic and East European Information Resources. Vol. 19. 2018. № 3—4. P. 114—117.

⁸ Булдаков В.П. Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы «юбилейного» бума // Российская история. 2018. № 6. С. 19.

⁹ См., например: Kaplan V. Recent Israeli historiography of the 1917 Revolution(s) // Journal of Modern Russian History and Historiography. Vol. 9. 2016. № 1. P. 65—88; Häfner L. German historiography on the February Revolution of 1917 since the demise of the Soviet Union // Ibid. P. 39—64; Immonen H. From February Revolution to Civil War: Finnish historians and the year 1917 // Ibid. P. 89—105.

Затянувшийся юбилей

Первые публикации, приуроченные к столетию российской революции, появились задолго до 2017 г. Так, журнал «Критика» выпустил тематический номер ещё в 2015 г. Однако «круглую дату» его авторы ждали без особого энтузиазма. Б.И. Колоницкий, к примеру, отметил, что интерес студентов к революции падает, сокращается поток публикаций. Ныне вновь звучат знакомые ему с советских времён вопросы и аргументы: «Как вы можете создать что-то новое? Всё уже исследовано. Кому нужна история революции?». Сказывается и тесная связь революции с политической конъюнктурой. Как заметил учёный, наступит момент, когда российское общество перестанет рассматривать события 1917 г. «глазами историков-мемуаристов и отцов-основателей партийной историографии. Однако такая “департизация” исторического сознания вряд ли произойдёт в 2017 г.»¹⁰. С. Смит, напротив, видел главную проблему именно в превращении революционной эпохи в далёкое прошлое. В последние десятилетия знания о ней значительно расширились, однако «в ключевых аспектах наша способность *понимать* (курсив автора. — И.Б.)... устремления 1917 г. уменьшилась»¹¹. Отметив эти «ностальгические настроения» коллег, Д. Рэли напомнил, что лишь в 1990-е гг. для исследователей открылись документы о внутрипартийной борьбе после смерти Ленина и о «Большом терроре»¹². Естественное переключение внимания на то, что ещё недавно было полностью недоступно, привело к видимому перекоосу в сторону первых десятилетий советской власти¹³.

Однако на историографию революции открытие архивов оказало временный и ограниченный эффект. По подсчётам Л. Хёфнера, рост количества немецкоязычных исследований в 1996—2000 гг. сменился в XXI в. резким спадом. В 2017 г. он ожидал новый всплеск интереса, однако «маловероятно, что эта тема будет пользоваться таким же вниманием, как в 1970—1980-е гг.»¹⁴. В свою очередь М. Штадельманн посетовал, что исследования 1917 г. «перестали быть прорывными и новаторскими». Как и Рэли, он обратил внимание на то, что после 1991 г. «караван историков двинулся к сталинизму, а в последнее время — к постсталинизму», революция же стала лишь «предметом юбилейных изданий», количество которых далеко не всегда перерастает в «соответствующее качество новых идей»¹⁵. В том же ключе высказалась и Ш. Фицпатрик. По её мнению, обилие приуроченных к столетию революции конференций «является скорее рефлексом при наступлении знаменательной даты, чем признаком убеждённости в том, что российская революция всё ещё имеет значение»¹⁶.

¹⁰ Kolonitskii B., Neymeyer J. On studying the 1917 Revolution: autobiographical confessions and historiographical predictions // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 16. 2015. № 4. P. 760, 768.

¹¹ Smith S.A. The historiography of the Russian Revolution 100 years on // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 16. 2015. № 4. P. 733.

¹² Raleigh D. The Russian Revolution after all these 100 years // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 16. 2015. № 4. P. 792.

¹³ Подробнее см.: From the editors: «1930s studies» // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 4. 2003. № 1. P. 1—4.

¹⁴ Häfner L. German historiography on the February Revolution... P. 43.

¹⁵ Stadelmann M. The Russian Revolution in German historiography after 1945 // *Cahiers du Monde Russe*. Vol. 58. 2017. № 1—2. P. 56.

¹⁶ Fitzpatrick Sh. Celebrating (or not) the Russian Revolution // *Journal of Contemporary History*. Vol. 52. 2017. № 4. P. 829.

Э. Лор также отметил, что юбилейные форумы учёных прошли «очень тихо», без каких-либо прорывов и принципиально новых интерпретаций. Это дало ему повод категорично заявить: «Большевицкая революция окончена». И дело не столько в вековом отрыве от события, сколько в его результатах. Запущенные Октябрьём процессы «дискредитированы как альтернативные пути к современности и имеют ограниченное отношение к современному миру». Больше внимание к «либеральным революциям» 1905 и 1917 гг. позволит, наконец, историкам определить взятие большевиками власти как «полномасштабную политическую контрреволюцию»¹⁷. Статья Лора выглядит как ответ большому потоку публикаций, в которых рефреном звучит тезис об историческом значении событий 1917 г. и их влиянии на современный мир.

В последние десятилетия исследователи всё больше интересуются причинами устойчивости и стремительного падения позднеимперской России¹⁸. Характерный пример — монография Д. Ливена, основная часть которой посвящена предреволюционному периоду¹⁹. Российская империя, по мнению автора, к 1914 г. относилась к более бедной и менее стабильной периферии Европы. Для этого макрорегиона он применил небесспорный термин «второй мир», включив в него также восточную часть Австро-Венгрии и Балканский полуостров. Ливен объявил «могильщиком» континентальных европейских империй национализм и подчеркнул, что у России было очень мало шансов избежать революции и совершить мирный переход к демократии. Социально-политические условия накануне Февраля («министерская чехарда», «слабый» царь, дефицит продовольствия в Петрограде) являлись скорее вспомогательными факторами, приближавшими если не неминуемый, то крайне вероятный крах монархии.

Другой взгляд на «имперский апокалипсис» содержится в одноимённой книге Дж. Санборна. В центре внимания автора — Восточный фронт Первой мировой войны и его роль в процессе «деколонизации» Европы под давлением национальных движений. Однако если Ливен рассматривал национализм как самодовлеющую проблему, то для Санборна это скорее закономерный результат ошибок в управлении империей. Одна из основных — введение военной администрации во время войн и революций. Русско-японскую войну и потрясения 1905 г. имперская система ещё сумела выдержать, но беспрецедентная по масштабу Великая война нанесла ей непоправимый ущерб. В прифронтовых губерниях военное положение привело к «вакууму власти», который усугубляли экономический кризис и отступление армии. К 1917 г. у населения накопилось «ощущение хаоса и надвигающейся гибели», обеспечившее «радикальную остроту, необходимую для перехода отвращения и протеста в насильственные акты мятежа и восстания»²⁰. Революция вызвала подъём национальных движений, но их влияние ограничивалось отдельными регионами. На большей части территории страны «вакуум» оставался не заполненным вплоть до укрепления

---

¹⁷ *Lohr E.* The Bolshevik Revolution is over // *Journal of Modern History*. Vol. 92. 2020. № 3. P. 635, 641, 667.

¹⁸ *David-Fox M., Holquist P., Martin A.M.* The Imperial turn // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* Vol. 7. 2006. № 4. P. 707.

¹⁹ *Lieven D.* The end of Tsarist Russia: the march to World War I and Revolution. N.Y., 2015.

²⁰ *Sanborn J.* Imperial apocalypse: The Great War and the destruction of the Russian Empire. Oxford, 2014. P. 175.

власти большевиков. В целом распад царской России Санборн счёл «ранней фазой драматического и болезненного» исчезновения колониальных империй²¹.

Л. Энгельстайн также рассмотрела революционную эпоху в контексте падения европейских империй. По трём из них — Германской, Австрийской и Османской — мировая война нанесла смертельный удар. Россия с её разнородным населением и острыми социально-экономическими противоречиями вряд ли могла избежать схожей судьбы. Однако ни свержение монархии, ни приход большевиков к власти не были исторически предопределены. Революция явилась «не военной, а политической борьбой во всех её взаимосвязанных измерениях»²². Нужно отметить, что данная работа — качественный синтез традиционных концепций и накопившихся в последние годы наработок. Принимая и используя многие новшества, автор не отказалась от взгляда на революцию как на движение человека к свободе и демократии, а на большевиков — как на препятствие в этом движении, чем бы ни объяснялась их политика. Во многом поэтому она (в отличие от Ливена и Санборна) поставила в центр повествования именно революцию.

Современные историки российской революции больше не ограничиваются одним 1917 г., рамки исследований часто расширяются за счёт ближайших лет, наполненных военными и социальными катаклизмами²³. Р. Уэйд верно отметил, что эта тенденция «перепрыгивания через революционный барьер» началась уже давно, но именно в XXI в. стала «почти что культом»²⁴. 20 лет спустя можно по достоинству оценить влияние коллективной монографии «Российская модерность»²⁵, авторы которой безоговорочно встроили Россию в политический и социокультурный контекст предвоенной Европы. Это направление повело историографию дальше, чем предполагали те, кого М. Дэвид-Фокс назвал «первым поколением историков российской и советской модерности»²⁶. Широкую популярность обрели сравнительные исследования позднеимперских и раннесоветских практик в политике, экономике и культуре. Так, Д. Хоффманн подчеркнул преемственность развития в царской России и СССР социального обеспечения, здравоохранения, репродуктивной политики, политического надзора, пропаганды и государственного насилия²⁷. Российская революция, по его мнению, выступила не более чем ускорителем давно начавшихся процессов.

Против такого упрощения выступил Холквист. Соглашаясь, что многие «государственные практики вмешательства в жизнь населения» появились до Октября, он настаивал, что их действительно широкое применение стало возможно только в революционной ситуации²⁸. Однако эти оговорки не остановили запущенный процесс — фокус внимания все сильнее смещался на по-

---

²¹ Ibid. P. vii.

²² Engelstein L. Russia in flames. War, Revolution, Civil War, 1914—1921. Oxford, 2017. P. 199.

²³ Petrov Yu. Russia on the eve of the Great Revolution of 1917 // Russian Studies in History. Vol. 58. 2019. № 1. P. 11—12.

²⁴ Wade R. The Revolution at one hundred: issues and trends in the English language historiography of the Russian Revolution of 1917 // Journal of Modern Russian History and Historiography. Vol. 9. 2016. № 1. P. 35, 36.

²⁵ Russian Modernity...

²⁶ Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетённая? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 21.

²⁷ Хоффманн Д.Л. Вращивание масс: модерное государство и советский социализм, 1914—1939. М., 2017.

²⁸ Russian Modernity... P. 104.

следние годы империи и первые годы советской власти. В 2010-х гг. почти не выходило работ, в которых историописание революции ограничивалось бы 1917 г. Несмотря на разные датировки, все историки включают в революцию, например, подавление Кронштадтского восстания и X съезд РКП(б). Испанские и латиноамериканские исследователи делают больший упор на 1917 г., но и они, как правило, упоминают Первую мировую и Гражданскую войны и доводят повествование до образования СССР²⁹.

Отражением указанных тенденций стал масштабный международный проект «Великая война и революция в России», начатый в 2014 г. и привлёкший более 250 учёных со всего мира. Из запланированных 11 томов (в 20 книгах) к 2021 г. вышло 8³⁰. Хронологические рамки исследования (1914—1922) можно назвать уже традиционными и устоявшимися. Во вступлении к серии говорится, что именно Первая мировая война рассматривается как «точка опоры, приведшая в движение цепь событий, изменивших Евразию и большую часть мира». Частью этого «континуума кризиса» (распространённое определение Холквиста)³¹ стала и российская революция, однако ни в названии, ни в содержании она не ставится в центр внимания. Характерно, что в 8-м томе («Международные отношения России в период войны и революции») лишь один раздел посвящён 1917 г., да и в нём почти нет материалов о внешней политике в период с февраля по октябрь. Серия выстраивается не по хронологическому, а по тематическому принципу: культура, идентичность, память, империя и национализм. Запланированы тома о гендерных отношениях, науке и технологиях, окружающей среде, медицине и судьбах свидетелей эпохи. В этой структуре революция воспринимается как «окно возможностей», допускавшее разные сценарии развития процессов, начавшихся задолго до неё.

С приближением столетнего «юбилея» обозначилась некоторая смена акцентов. Не отказываясь от парадигмы «континуума кризиса», многие исследователи сделали упор не на войне, а на революции. К примеру, С. Смит сконцентрировался на России в революции как «империи в кризисе»³². Очень широкие хронологические рамки (1890—1928) он объяснил необходимостью более подробно остановиться на международных и социально-экономических аспектах. Большое внимание в книге уделено российской провинции, росту национализма на окраинах и реинтеграции имперского пространства в первые годы советской власти. Тем не менее, несмотря на название, книга в значительной степени сосредоточена на 1917 г., причём на периоде «от Февраля к Октябрю». В рецензии Э. Лор посетовал, что Смит преуменьшил значение «либеральных» революций 1905 и 1917 гг., сосредоточившись на противостоянии Временного правительства с Петроградским советом. В результате получилась лишь новая «история большевистской революции»³³.

Авторы коллективной монографии «1917 г. как исторический водораздел» попытались найти «золотую середину» в оценке значимости революции для развития российского государства. Во вступлении М. Нойманн и Э. Уиллимонт

²⁹ См., например: *Tonet I., Lesso S. A Grande Revolução Russa*. Maceió, 2018; *La revolución Rusa en su centenario (1917—2017)* / Ed. by J.A. Penón. Andorra la Vella, 2017.

³⁰ «Russia's Great War and Revolution» Series (URL: https://slavica.indiana.edu/series/Russia_Great_War_Series).

³¹ *Holquist P. Making War, forging Revolution: Russia's Great War and Revolution, 1914—1921*. Cambridge, 2002.

³² *Smith S.A. Russia in Revolution: an Empire in crisis, 1890 to 1928*. Oxford, 2017.

³³ *Lohr E. Op. cit.* P. 651.

подчеркнули, что события того времени «соответствуют нашему нынешнему пониманию современной революции», так как они привели к радикальным политическим изменениям и дали старт социалистическому эксперименту. С другой стороны, «учёные всё чаще задаются вопросом, не слишком ли поспешили мы проглотить риторику большевиков, которые, захватив власть, были склонны рассматривать свои действия как часть совершенно новой эпохи?»³⁴. Д. Арч Гетти на примере дискуссий в партийном руководстве о судьбе тела В.И. Ленина показал, что эти заверения изначально расходились с реальностью. Мавзолей стал «символом легитимации режима» и взял на себя важнейшие «квазирелигиозные и политические функции», характерные и для дореволюционной России³⁵.

Авторы коллективной монографии «Исторически неизбежна?»³⁶ попытались выделить «поворотные моменты» революции и понять, могла ли она развиваться иначе. Появление этой книги — следствие роста популярности альтернативных сценариев крупных исторических событий. Так, С. Диксон отметил переоценку современниками и историками последствий убийства П.А. Столыпина, а Д. Смит — влияния Г. Распутина на ключевые политические решения. Бросается в глаза отсутствие в книге рассказа о «кровавом воскресеньи» и Первой российской революции вообще. О ней вскользь упомянул только Ливен в рассуждении о возможных последствиях падения самодержавия уже в 1905 г., в частности — германской интервенции в Россию и радикальном изменении соотношения сил в Европе накануне Первой мировой войны. С критикой книги выступил Дж. Смил, отвергнув предположения о возможности подавления февральского восстания в Петрограде, успеха Корниловского мятежа или победы в Гражданской войне «белых»³⁷. Д. Суэйн не согласился со Смилом, например, в оценке жизнеспособности Комуча и уфимской Директории³⁸. В свою очередь Л. Энгельстайн призвала учитывать, что в разные эпохи историописание революции менялось. С открытием архивов в 1990-е гг. «открылась дверь для новых значений и интерпретаций. Февральская революция оказалась более радикальной, крестьянские восстания — более последовательными, пролетариат — менее сознательным». Как следствие, нет ничего зазорного в том, чтобы «сосредоточиться на силе проигранного дела», оценивая вероятность альтернатив и способность противников большевиков создать на обломках империи что-то иное³⁹.

В собственной монографии Смил также поставил в центр повествования не революцию, а Гражданскую войну. Точнее, в его терминологии, «гражданские войны»⁴⁰. Автор назвал их «русскими» (именно в кавычках), и в этом заключается основное противоречие: отказав «гражданским войнам» в общем

---

³⁴ Rethinking the Russian Revolution as historical divide / Ed. by M. Neumann, A. Willimott. L., 2019. P. 2.

³⁵ Ibid. P. 34.

³⁶ Historically inevitable? Turning points of the Russian Revolution / Ed. by T. Brenton. L., 2016.

³⁷ Smele J. «If Grandma had whiskers»: could the Anti-Bolsheviks have won the Russian Revolutions and Civil Wars? Or, the constraints and conceits of counterfactual history // Revolutionary Russia. Vol. 33. 2020. № 1. P. 6—37.

³⁸ Swain G. More thoughts on Grandma's whiskers // Revolutionary Russia. Vol. 33. 2020. № 1. P. 38—49.

³⁹ Engelstein L. «A single civilian whore» — reflections on the might-have-beens of the Russian Civil War // Revolutionary Russia. Vol. 33. 2020. № 1. P. 3, 5.

⁴⁰ Smele J. The «Russian» Civil Wars, 1916—1926: ten years that shook the world. Oxford, 2016. P. 7.

«знаменателе», Смил в то же время объединил их в рамках бывшей империи. Кроме того, как отметил А. Ретиш, большая часть повествования всё равно сосредоточена на 1918—1921 гг.⁴¹ Не согласилась со Смилом и Энгельштейн, считающая, что Гражданская война «всё же была русской (российской) историей в политическом смысле». Региональные и национальные элиты сформировал «образовательный и административный опыт старого режима», который «наделил их общей политической культурой»⁴².

Появление книги Смила отразило растущий интерес к истории российской Гражданской войны — одной из наиболее масштабных в XX в. Традиционно большое внимание к этой теме проявляют испанские и латиноамериканские историки. Стоит отметить монографию Х. Родриго и Д. Алегре, в которой сравниваются характер, ход и результаты гражданских войн во всём мире с 1917 по 2017 г. Вслед за Смилом авторы заявили: «То, что мы называем гражданской войной в России, на самом деле было чередой перекрывающихся и усиливающих друг друга конфликтов»⁴³. В национальных историях стран, некогда входивших в состав Российской империи, Гражданская война занимает центральное место как время борьбы за независимость⁴⁴. При этом повествование о революции, как правило, ограничивается кратким перечислением основных политических событий. К примеру, Т. Балкелис, автор истории Литвы в эпоху войн и революций (1914—1923), уделил 1917 г. всего две страницы⁴⁵. Схожим образом обстоят дела в финской историографии. По замечанию Х. Иммонена, немалую роль в этом сыграл проект «Жертвы войны в Финляндии», поддержанный правительством на рубеже XX—XXI вв. Значительно расширив знания о потерях «красных» и «белых», он «ещё больше отодвинул на второй план научный интерес к революции 1917 г.». Кроме того, значительная часть источников этого периода представлена на русском языке, и «лишь небольшое число финских историков» могут их читать⁴⁶. На этом фоне сама по себе «круглая дата» 2017 г. уже не казалась бесспорной. Тем не менее многие исследователи призвали «вспомнить» о ней.

Назад к семнадцатому году

«На юбилейной конференции, которую я посетил в Тель-Авиве весной 2017 г., один учёный отметил, что теперь “невообразимо” написание истории одного 1917 г. К своему стыду, я сидел молча, думая: “какая чушь”», — вспоминал Я. Тэтчер. С его точки зрения, «мода» расширять рамки революции обесценивает период февраля—октября, в котором до сих пор много «белых пятен»⁴⁷.

---

⁴¹ Retish A.B. Review on: Jonathan D. Smele. The «Russian» Civil Wars, 1916—1926: ten years that shook the world // *The American Historical Review*. Vol. 122. 2017. № 3. P. 955.

⁴² Engelstein L. «A single civilian whore»... P. 11.

⁴³ Rodrigo J., Alegre D. *Comunidades Rotas. Una historia global de las guerras civiles, 1917—2017*. Barcelona, 2019. P. 136.

⁴⁴ См., например: Lubecki M. Poland and the Russian Revolutions // *The global impact of Russia's Great War and Revolution. Book 1: The arc of Revolution 1917—24*. Bloomington, 2019. P. 313—341.

⁴⁵ Balkelis T. *War, Revolution, and nation-making in Lithuania, 1914—1923*. Oxford, 2018. P. 42—44.

⁴⁶ Immonen H. *From February Revolution to Civil War...* P. 104.

⁴⁷ Thatcher I.D. The «Russian» Civil Wars, 1916—1926: ten years that shook the world, by Jonathan D. Smele // *Canadian—American Slavic Studies*. Vol. 52. 2018. № 4. P. 478. Отмечу также новые работы Тэтчера о внутренней политике Временного правительства и о памфлетной литературе 1917 г.: Thatcher I.D. *Memoirs of the Russian Provisional government 1917* // *Revolutionary Russia*. Vol. 27. 2014. № 1. P. 1—21; Thatcher I.D. *Historiography of the Russian Provisional government 1917 in the USSR* //

Действительно, в обобщающих трудах повествование о нём зачастую ограничивается одной-двумя главами. Содержание «юбилейных» изданий показывает: на большее у авторов редко остаётся место, учитывая их стремление упомянуть экономический подъём конца XIX в., революцию 1905 г., третьеиюньскую монархию, Первую мировую и Гражданскую войны, образование СССР, коллективизацию, индустриализацию и «Большой террор». Показательно, что Р. Уэйд не включил в свой историографический обзор книги о российской революции, которые «на самом деле в основном посвящены царской России или Советскому Союзу»⁴⁸.

На перекосы в историографии обратил внимание и П. Холквист. В статье «Российская революция как континуум и контекст и да — как революция» он приветствовал тенденции, начавшиеся в том числе и под влиянием его трудов. Однако его «беспокоит, что этот новый подход уводит нас от некоторых ключевых наблюдений, сделанных в более ранней литературе»⁴⁹. В частности, критике подвергся «Имперский апокалипсис» Санборна, по мнению которого революция скорее «продукт войны», нежели результат долговременных социально-политических процессов⁵⁰. Эту работу Холквист привёл в качестве примера того, как широкие исследования позднеимперской России оттесняют на второй план события 1917 г. Он настаивал на том, чтобы «мы не упускали из виду революцию как самостоятельную динамику, а не просто эпифеномен процессов военного времени»⁵¹.

Тем не менее в последние годы появляются и труды, ограничивающиеся 1917—1918 гг., в частности — о политических противниках большевиков. К примеру, Л. Доудс подробно исследовала практику взаимодействия большевиков и левых эсеров в Совнаркоме в первые месяцы после Октября. По её мнению, этот опыт показывает, что советская политическая система в первые месяцы своего существования «развивалась спонтанно и не сразу сформировалась как авторитарная однопартийная диктатура»⁵².

Среди немногих современных исследований рабочего движения — монография Д. Пёрл о развитии революционной культуры русских рабочих в конце XIX — начале XX в.⁵³ Исследованы их повседневная жизнь, участие в кружках, создании и распространении пропаганды в виде книг, брошюр, листовок и даже сказок. На основе этого «низового материала» автор оспорила тезис о непримиримых противоречиях между народниками и социал-демократами.

Twentieth century Communism. 2015. № 8. P. 108—132; *Thatcher I.D.* Post-Soviet Russian historians and the Russian Provisional government of 1917 // *Slavonic and East European Review*. Vol. 93. 2015. № 2. P. 315—337; *Thatcher I.D.* The «broad centrist» political parties and the first Provisional government, 3 March — 5 May 1917 // *Revolutionary Russia*. Vol. 33. 2020. № 2. P. 197—220; *Thatcher I.D.* The Russian revolutionary constitution and pamphlet literature in the 1917 Russian Revolution // *Europe—Asia Studies*. Vol. 68. 2016. № 10. P. 1635—1653.

⁴⁸ *Wade R.* The Revolution at one hundred... P. 10.

⁴⁹ *Holquist P.* The Russian Revolution as continuum and context and yes, — as Revolution. Reflections on recent Anglophone scholarship of the Russian Revolution // *Cahiers du Monde Russe*. 2017. № 1—2. P. 79.

⁵⁰ *Sanborn J.* Op. cit. P. 235.

⁵¹ *Holquist P.* The Russian Revolution as continuum... P. 93.

⁵² *Douds L.* «The Dictatorship of the Democracy»? The Council of Peoples' Commissars as Bolshevik—Left Socialist revolutionary coalition government, December 1917 — March 1918 // *Historical Research*. Vol. 90. 2017. № 247. P. 56.

⁵³ *Pearl D.* Creating a culture of Revolution: workers and the revolutionary movement in late Imperial Russia. Bloomington, 2015.

Однако, как отметил в рецензии Я. Тэтчер, исследование ограничивается 1905 г., хотя «основные фракционные разногласия, разыгравшиеся в 1917 г., вышли на первый план позднее, особенно во время Первой мировой войны»⁵⁴. Практически не издавалось работ по крестьянскому движению, можно упомянуть лишь подробные историографические обзоры Л. Хёфнера и Г. Бернштейна о миграции русских крестьян и в целом о «крестьянской проблеме» в начале XX в.⁵⁵

Работы о женщинах в революционной России по-прежнему редки, и столетие не переломило эту тенденцию. Н.Л. Пушкарёва справедливо заметила, что «женский вопрос» остаётся по сути «иллюстративным дополнением к “большой истории”» революции⁵⁶. По мнению Э. Уайт, «основное внимание по-прежнему уделяется институтам и практикам, в которых доминируют мужчины, будь то большевистская партия или царский Генеральный штаб». Можно было бы сделать больше для «рассмотрения гендера как исторической категории», более подробно изучить женскую повседневность в условиях революции. При этом, признаёт Уайт, возросший интерес к общественным организациям «затмил некоторые из прежних акцентов на ведущих женщинах-марксистках» (Н.К. Крупская, И. Арманд, А.М. Коллонтай)⁵⁷. Одновременно активизировалось изучение деятельности, например, А.В. Тырковой-Вильямс и Л.М. Рейснер⁵⁸. Стоит выделить также статью Б. Энгель о гендерной природе российской революции и её последствиях для женщин. С её точки зрения, «ассоциация “отсталых” женщин с домашней сферой, к которой революционеры относились очень пренебрежительно», в дальнейшем создавала препятствия на пути профессионального и карьерного роста⁵⁹. Разделяя распространённую критику сталинской политики в отношении женщин⁶⁰, Энгель тем не менее пришла к выводу, что далеко не все достижения революционной эпохи в области гендерного равноправия были отброшены в 1930-е гг.

Заметно возрос интерес зарубежных историков к ранее периферийной теме — Русской Православной Церкви в период «перелома» 1917 г. С. Кенуорти сетует, что в англоязычной историографии сформировался образ Церкви как контрреволюционной организации и «безропотной служанки» государства. Он сосредоточился на её отношениях с Временным и большевистским правительствами, отметив «брожение во всех сферах религиозных верований, мысли, практики и институтов в период революционных потрясений»⁶¹. Ф. Силано попыталась

---

⁵⁴ *Thatcher I.D.* Creating a culture of Revolution: workers and the revolutionary movement in late Imperial Russia // *Revolutionary Russia*. Vol. 29. 2016. № 1. P. 121.

⁵⁵ *Bernstein H.* The «peasant problem» in the Russian revolution(s), 1905—1929 // *Journal of Peasant Studies*. Vol. 45. 2019. № 5—6. P. 1127—1150; *Häfner L.* Engines of social change? Peasant migration and the transgression of spatial, legal and cultural divides in late Imperial Russia // *Journal of Borderlands Studies*. Vol. 34. 2019. № 4. P. 547—570.

⁵⁶ *Pushkareva N.L.* Soviet and Post-Soviet scholarship of women’s participation in Russia’s socio-political life from 1900 to 1917 // *Revolutionary Russia*. Vol. 30. 2017. № 2. P. 217. См. также: *Pushkareva N.L.* Women’s and gender studies of the Russian past: two contemporary trends // *Women’s History Review*. Vol. 27. 2018. № 1. P. 71—87.

⁵⁷ *A companion to the Russian Revolution* / Ed. by D. Orlovsky. Hoboken, 2020. P. 288.

⁵⁸ *McElvanney K.* Women reporting the Russian Revolution and Civil War: The frontline journalism of Ariadna Tyrkova-Williams and Larisa Reisner // *Revolutionary Russia*. Vol. 30. 2017. № 2. P. 228—246.

⁵⁹ *Engel B.A.* A gendered Revolution? // *Revolutionary Russia*. Vol. 30. 2017. № 2. P. 196.

⁶⁰ *Kirschenbaum L.* The man question: how Bolshevik masculinity shaped international communism // *Socialist History*. Vol. 52. 2017. P. 76—84.

⁶¹ *Kenworthy S.M.* Rethinking the Russian Orthodox Church and the Bolshevik revolution // *Revolutionary Russia*. Vol. 31. 2018. № 1. P. 15.

переосмыслить значение восстановления патриаршества в 1917 г. Этим шагом церковные руководители «выдвинули новое видение России: такое, в котором Церковь будет путеводной звездой для нации в неспокойные времена». Почти одновременно с Октябрьским переворотом она вернула себе «символы и нарративы, которые цари использовали для описания своего автократического правления». Большевики по достоинству оценили эту угрозу, борясь не только с самой Церковью, но и с её «языком»⁶².

Примечательной попыткой нового «выделения» 1917 г. стала монография Ц. Хасэгавы о преступности и органах правопорядка в революционном Петрограде⁶³. Обращение к теме уличного насилия выявило характерные, неповторимые черты 1917—1918 гг. — периода, который «заслуживает изучения сам по себе, а не просто как переходный этап от Первой мировой к Гражданской войне»⁶⁴. Вопрос о насилии в данном случае играет важнейшую и до сих пор недооценённую роль. Автор пришёл к выводу, что Временное правительство оказалось неспособно монополизировать насилие, а потому обрекло себя на поражение⁶⁵. Однако он почти не говорит о предпосылках этого всплеска, фактически избегая дискуссий о феномене «революционного насилия», его связи с предшествующими эпохами. В то же время, к примеру, в немецкой историографии господствует представление о «революционном насилии» как результате «социальной дезинтеграции», начавшейся задолго до 1917 г. С этой точки зрения Первая мировая война стала массовой «школой насилия», но «травмирующее воздействие» оказала и революция 1905 г.⁶⁶

Среди обобщающих трудов выделяется монография М. Стейнберга, который повествует главным образом о 1917 г., но при этом не ограничивается политической историей. 1905—1921 гг. охарактеризованы им как эпоха «взаимосвязанных кризисов, потрясений, радикальных перемен и возможностей». Во главу угла автор поставил личность, «переживание» ею революции, ощущение «историчности» времени, несправедливости, неравенства (экономического, политического, гендерного), близкой и одновременно недостижимой «свободы»⁶⁷. Повествование построено вокруг биографий революционных деятелей, журналистов и писателей (Л.Д. Троцкий, А.М. Коллонтай, В.В. Маяковский, В.К. Винниченко, М.Х. Бехбуди), по-разному видевших революционный процесс. Большое внимание уделено «пространствам революции» — городской улице, деревенскому «миру», окраинам империи. Стейнберг сознательно отказался от подробного описания политических событий, обратившись к «неопределённым интерпретациям тех, кто жил в прошлом», а не к «твёрдым ретроспективным выводам»⁶⁸. Данная книга — продолжение исследования автором

---

⁶² *Silano F.* (Re)Constructing an orthodox «scenario of power»: the restoration of the Russian Orthodox Patriarchate in revolutionary Russia (1917—1918) // *Revolutionary Russia*. Vol. 32. 2019. № 1. P. 1—3.

⁶³ *Hasegawa T.* Crime and punishment in the Russian Revolution: mob justice and police in Petrograd. Cambridge, 2017. См. также: *Frame M.* Concepts of policing during the Russian Revolution, 1917—1918 // *Europe—Asia Studies*. Vol. 68. 2017. № 10. P. 1654—1671.

⁶⁴ *Hasegawa T.* Op. cit. P. 12.

⁶⁵ *Ibid.* P. 271.

⁶⁶ *Häfner L.* German historiography on the February Revolution... P. 63.

⁶⁷ *Steinberg M.D.* The Russian Revolution, 1905—1921. Oxford, 2017. P. 5, 8.

⁶⁸ *Ibid.* P. 350.

пространства российского города (в частности, Петербурга) в позднеимперскую эпоху⁶⁹.

«Возврат» к 1917 г. оказался особенно труден в коллективных монографиях и крупных обобщающих трудах. Характерный пример — справочник «A companion to the Russian Revolution» издательства «Wiley—Blackwell». В проекте участвовали ведущие историки из разных стран, в том числе России. Одной из его важнейших задач редактор Д. Орловски назвал попытку «обратить вспять тенденцию похоронить или потерять 1917 г., уникальность революции в более длительном периоде времени»⁷⁰. Это отразилось и на структуре издания. Первая часть («Знаки: ближние и дальние») посвящена предреволюционному периоду, но составляет всего 4 статьи из 34. П. Уолдрон проанализировал «долговременные причины» революции, указав на индустриализацию, урбанизацию, нерешённый крестьянский вопрос и рост национализма. Ф. Вчисло отметил растянutosть и расплывчатость понятия «предреволюционный период». Первая российская революция началась ещё в конце XIX в. (точкой отсчёта выбран 1890 г.), 1905—1907 гг. — лишь её кульминация. По своей сути и масштабу она явилась предысторией «более крупного революционного кризиса», начавшегося в 1914 г.⁷¹ К. Рид основное внимание уделил Первой мировой войне, упомянув старые дискуссии о её тесной взаимосвязи с революцией. По его словам, «мы не можем сказать, что могло бы произойти, если бы не война... но мы можем сказать, что революция... не была бы такой же без войны»⁷².

Вторая часть имеет заголовок «Февральская революция», но на деле охватывает весь 1917 г., к тому же в ней часто упоминаются предшествующие годы и первые месяцы советской власти. К примеру, А. Майнио кратко охарактеризовал финское национальное движение с 1899 по 1919 г.⁷³ Статья Э. Уайт посвящена гендерным отношениям в позднеимперской России, участию женщин в Гражданской войне и советской политической жизни 1920-х гг.⁷⁴ М. фон Хаген рассмотрел национальные движения на территории современных Украины, Белоруссии, Польши и Литвы в 1914—1922 гг., показав, как царское, Временное и большевистское правительства схожими методами пытались удержать под контролем западные окраины. Он также предпочёл говорить о нескольких «русских» революциях на территории бывшей империи⁷⁵. Поддерживая это мнение, М. Буттино отметил антиколониальный характер Туркестанского восстания, разнородность революционных движений в Центральной Азии⁷⁶.

---

⁶⁹ Steinberg M.D. Petersburg *Fin de Siècle*. New Heaven, 2011; Steinberg M.D. Ghostly fogs in a decaying Empire: disoriented and melancholy experience in Russia's Metropole // Cultural Studies. Vol. 34. 2020. № 5. P. 747—762. О российском городе накануне и в годы революции см. также: Cohen A.J. The limits of Iconoclasm. The fate of Tsarist monuments in revolutionary Moscow and Petrograd, 1917—1918 // City. Vol. 24. 2020. № 3—4. P. 616—626; Gerasimov I. Plebeian modernity. Social practices, illegality, and the urban poor in Russia, 1906—1916. Rochester, 2018; Hearne S. Prosecuting procurement in the Russian Empire // Journal of Social History. Vol. 54. 2020. № 1. P. 185—209; Pravilova E. The trouble with authenticity: backwardness, imitation, and the politics of art in late Imperial Russia // Journal of Modern History. Vol. 90. 2018. № 3. P. 536—579; Sicher E. Odessa time, Odessa space: rethinking cultural space in a cosmopolitan city // Jewish Culture and History. Vol. 16. 2015. № 3. P. 221—241.

⁷⁰ A companion to the Russian Revolution. P. 2.

⁷¹ Ibid. P. 17.

⁷² Ibid. P. 40.

⁷³ Ibid. P. 211—220.

⁷⁴ Ibid. P. 287—296.

⁷⁵ Ibid. P. 229—246.

⁷⁶ Ibid. P. 198.

Третья часть — об Октябрьской революции и «гражданских войнах». Л. Лих выделил три «весьма необычных обстоятельства», способствовавших победе большевиков: крах старых элит, создание институтов «народной» власти и наличие «подпольной партии» с готовой политической и экономической программой. Их стечение породило уверенность и даже самоуверенность большевиков, что позднее привело их к «постоянной переоценке шансов на революцию в Западной Европе»⁷⁷. Э. Ландис, анализируя политику «военного коммунизма», задал во многом схожие вопросы: были ли большевики «прагматиками» или «идеалистами», вынужденными признать несостоятельность своих методов и дать стране «передышку»? Сам он склонился ко второму: противоречие между нэпом и «основной целью партии — социализмом» вызвало затяжные дискуссии, что в свою очередь способствовало консолидации власти в руках И.В. Сталина. Коллективизация воспринималась многими крестьянами как «возобновление практики “военного коммунизма” и Гражданской войны в целом»⁷⁸.

В обзоре современной историографии К. Рид отметил, что Первая мировая война «взяла на себя слишком большую ответственность за революцию», в оценке которой ныне происходит «своего рода поворот к краткосрочности»⁷⁹. Однако если этот процесс и начался, то будет долгим и не обязательно «вернёт» революцию к 1917 г. Это видно и по справочнику «A companion to the Russian Revolution». Большинство его авторов в своих исследованиях давно вышли за рамки классической парадигмы «От Февраля к Октябрю». С другой стороны (и здесь трудно не согласиться с Тэтчером), очевиден недостаток исследований 1917 г., особенно в крупных, обобщающих трудах. Тем более что за новшествами в историографии по-прежнему скрываются знакомые проблемы и перекосы.

Длинная тень Октября

«Самое важное, что можно сказать о “Русской революции 1917 г.” — это то, что ни одно слово в этой фразе не является полностью подходящим», — заметили С. Норрис и Б. Сатклифф⁸⁰. Действительно, вопрос о том, как называть это событие и что под ним подразумевается, привлёк немалое внимание. С этой целью М. Фабрикант проанализировала 101 учебник истории из 22 европейских стран. Автор отметила, что чаще всего используется название «Русская революция». В некоторых учебниках (например, боснийском) двум революциям уделено равное внимание, однако больше визуализирован Октябрь. Чаще всего размещаются изображения Николая II, Ленина, Троцкого и Сталина, деятели Временного правительства же почти не встречаются. Таким образом, история революции для школьников и студентов «сводится к большевистскому государству, заменяющему старую империю Романовых, с неопределёнными и несущественными событиями между ними»⁸¹.

---

⁷⁷ Ibid. P. 329.

⁷⁸ Ibid. P. 351.

⁷⁹ Read C. Ten months that no longer shake the world? The centenary of the Russian Revolution and beyond // *Revolutionary Russia*. Vol. 34. 2021. № 1. P. 189.

⁸⁰ Norris S., Sutcliffe B.M. The Russian Revolution at 100 // *Revolutionary Russia*. Vol. 32. 2019. № 1. P. 1.

⁸¹ Fabrykant M. «Do it the Russian way»: narratives of the Russian Revolution in European history textbooks // *Slavic Review*. Vol. 76. 2017. № 3. P. 743.

В научной литературе — российской и зарубежной — ситуация во многом схожая. Ещё в 2000 г. Х. Торке написал: «Те, кто говорит о 1917 г. ... как о поворотном моменте, думают в первую очередь об Октябрьской революции». Спустя 16 лет Л. Хёфнер отметил, что и сегодня немецкая историография «игнорирует» Февральскую революцию, а 1917 г. фактически является «синонимом Октябрьского восстания»⁸². Говоря о торжествах к столетию революции, К. Рид признал, что под ней понимаются «Октябрь и большевики, не более того»⁸³. В.В. Шелохаев и К.А. Соловьёв также посетовали на «несопоставимый количественный разрыв» в публикациях об Октябре и Феврале⁸⁴.

Та же тенденция видна и в тематических выпусках научных журналов. В большинстве случаев общей темой является «Русская революция», причём составители зачастую вкладывают в это словосочетание вполне определённый смысл. Показательно, что автор вступительной статьи в спецвыпуске «*Journal of Contemporary History*» М. Нейбургер в первом же предложении заявляла: «Большевицкая революция... была одним из важнейших событий в новейшей истории»⁸⁵. Лишь «*Revolutionary Russia*» выделил для Февральской революции скромный подраздел из двух статей.

Отмеченный перекокс прослеживается и в набирающих популярность исследованиях российской провинции в революционную эпоху⁸⁶. В посвящённом этой теме третьем томе серии «Великая война и революция в России»⁸⁷ основное внимание приковано к периоду 1917—1922 гг. Р. Уэйд объяснил это тем, что «если Февральская революция распространилась по стране довольно равномерно, то к октябрю местные условия создали разнообразие “Октябрёй”»⁸⁸. Характерна в этом смысле работа М. Рэндела о борьбе большевиков за власть, «места и пространства» в разных регионах⁸⁹. Редкое исключение в общем потоке публикаций — статьи А. Дикинса о падении царской власти и политической борьбе в Красноярске⁹⁰.

Размышляя о современной историографии, Д. Орловски констатировал, что Февраль выходит из тени Октября и способен «вернуть себе центральное место» в исследованиях о революции⁹¹. Думается, что этот вывод излишне оптимистичен. Главным препятствием остаётся драматичная, насыщенная

---

⁸² *Häfner L.* German historiography on the February Revolution... P. 44, 45.

⁸³ *Read C.* Centennial thoughts on an exhausted (?) Revolution // *Revolutionary Russia*. Vol. 31. 2018. № 2. P. 5.

⁸⁴ *Shelokhaev V., Solovyov K.* February in the shadow of October (historiography and tasks awaiting further research) // *Russian Studies in History*. Vol. 58. 2019. № 1. P. 29.

⁸⁵ *Neuburger M.* The 100th anniversary of the Russian Revolution: introduction // *Journal of Contemporary History*. Vol. 52. 2017. № 4. P. 807.

⁸⁶ Подробнее о региональных исследованиях см.: *Novikova L.* The Russian Revolution from a provincial perspective // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 16. 2015. № 4. P. 769—785.

⁸⁷ *Russia's home front in War and Revolution, 1914—22. Book 1: Russia's Revolution in regional perspective* / Ed. by S. Badcock, L.G. Novikova, A.B. Retish. Bloomington, 2015.

⁸⁸ *Wade R.* The Revolution at one hundred... P. 34.

⁸⁹ *Rendle M.* Quantifying counter-revolution: legal statistics and revolutionary justice during Russia's Civil War, 1917—1922 // *Europe—Asia Studies*. Vol. 68. 2016. № 10. P. 1672—1692.

⁹⁰ *Dickins A.* A revolution in March: the overthrow of Tsarism in Krasnoyarsk // *Historical Research*. Vol. 90. 2017. № 247. P. 11—31; *Dickins A.* A revolutionary locality in a revolutionary state: the changing geography of power in Central Siberia, March—October 1917 // *Revolutionary Russia*. Vol. 34. 2021. № 1. P. 45—70.

⁹¹ *A Companion to the Russian Revolution*. P. 189.

событиями и вариантами развития событий Гражданская война, органически связанная с советским периодом.

Большое внимание в последние годы привлекают празднования годовщин и юбилеев Октябрьской революции, проходившие в СССР и по всему миру. Основные результаты в этом направлении объединила коллективная монография «Эхо Октября». Ж.-Ф. Файе выделил три основные функции торжеств 7 ноября: объединение, легитимация и мобилизация. Каждая годовщина представляла собой «вариацию воспоминаний, которая со временем обновлялась в соответствии с меняющимися национальными и международными контекстами»⁹². С. Риндлибахер проследил изображение годовщин на страницах газеты «Правда» с 1918 по 1991 г. В 1920-х гг. праздник служил напоминанием о приближении мировой революции, затем постепенно становился национальным. После Великой Отечественной войны иностранные поздравления и их освещение в прессе стали частью политического ритуала, всё больше отдаляясь от собственно события. На первый план вышел День Победы, «тесно связанный с советской семейной историей и устной традицией»⁹³. К. Маккаллум отмечает, что революция должна была стать «непоколебимой основой всего советского проекта, неподвижной Полярной звездой в советском мировоззрении»⁹⁴. К схожим выводам пришёл Б. Гайос, исследовавший её образ в сознании советской молодёжи 1967 г. Основная задача комсомола — поощрение к «продолжению дела Октября» — понималась теперь не как стремление к коммунизму, а как «сохранение достижений и готовность защищать Родину». Великая Отечественная война обладала большей «просветительской силой», чем Октябрьская революция, а её близость и масштабы коллективного опыта «предоставили огромное количество символических и эмоциональных ресурсов для политики памяти партии»⁹⁵.

Продолжаются исследования отражения большевистской революции в советском культурном пространстве, научной и учебной литературе. В 2018 г. переиздана монография Ф. Корни, посвящённая «сакрализации Октября» посредством ритуальных празднований, институционализации события в музеях и профессиональных институтах, посвящённых его изучению⁹⁶. Из новых работ можно отметить монографию Л. Холмса о деятельности Комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б). Изначально предполагалось, что Истпарт будет «придерживаться традиционных стандартов исследования». Скоро, однако, стало понятно, что партия отвергает «любую версию истории, предполагающую неидеологические или неполитические источники истины»⁹⁷. Р. Гейл изучил экспозицию Государственного музея революции в 1920—1930-е

---

⁹² *Echoes of October: International commemorations of the Bolshevik Revolution 1918—1990*. L., 2017. P. 7.

⁹³ *Ibid.* P. 188, 191.

⁹⁴ *McCallum C.E.* «A beautiful dream, facing both the future and the past»: destalinization, visual culture and the 40th anniversary of the October Revolution // *Revolutionary Russia*. Vol. 33. 2020. № 1. P. 25.

⁹⁵ *Gajos B.* Fading Red October: Soviet youth and the 50th anniversary of the October Revolution // *Revolutionary Russia*. Vol. 31. 2018. № 1. P. 120.

⁹⁶ *Corney F.* Telling October: memory and the making of the Bolshevik Revolution. Ithaca, 2018.

⁹⁷ *Holmes L.* Revising the Revolution: the unmaking of Russia's official history of 1917. Bloomington, 2021. P. 171, 172.

гг.⁹⁸, Н. Мюррей обратила внимание на театрализованные уличные постановки в Петрограде в 1921 г.⁹⁹, а Б. Дутт проанализировал изменения образа Ленина в театральном искусстве¹⁰⁰. Рассматривалась Октябрьская революция и в качестве туристического направления. Как отмечает Д. Кёнкер, в 1920-х гг. она отождествлялась скорее с будущим социалистического государства, а не с прошлым. Ситуация начала меняться в середине 1930-х гг., когда в путеводителях появились «места памяти»: штабы восстания, точки уличных сражений и т.п.¹⁰¹ Представляют интерес современные попытки использования революционной эпохи как «полезного прошлого». Д. Рихтер метко назвал это «приручением революции», её максимальной деполитизацией и деидеологизацией¹⁰². М. Рэндл и А. Лайвли заметили, что в обновлённой экспозиции крейсера «Аврора» больший упор сделан на его дореволюционную историю и участие в обороне Ленинграда во время Великой Отечественной войны. Революционное прошлое «отодвигается на второй план в пользу патриотической роли корабля как символа военной мощи в царском и советском государствах»¹⁰³.

Исследование современного образа российской революции стало одним из самых динамичных направлений в историографии. В определённой степени это — попытка уйти от застарелых споров и проблем, которые не были преодолены к столетнему «юбилею». Тем не менее полностью избежать их невозможно, в особенности — вопроса о влиянии революции на современный мир. Размышляя об этом, С. Маркс предложил разделить «глобальное влияние» и «историческую значимость» события. В XXI в. оно уже не способно отвечать на вызовы современности. «Какие решения предлагает Ленин для исправления климатических изменений, хронической нехватки рабочих мест, этнической и расовой нетерпимости и экономических потрясений, вызванных цифровизацией и, возможно, автоматизацией на основе искусственного интеллекта?». Даже то, что достигнуто большевистской революцией в сфере прав человека, лишь «давно отложенное наследие 1776, 1789 и 1848 гг., а не 1917 г.»¹⁰⁴. Правда, отметил в ответной статье П. Дьюкс, сегодня «у демократического Запада нет лучшего ответа» на эти вопросы¹⁰⁵. Орловски в свою очередь заметил, что Маркс сделал упор на Октябре и увязал значение революции с советским опытом. Однако Февральская революция была не менее важной, её влияние по-прежнему недооценивается. Он призвал признать «взрывной характер Февраля» и

---

⁹⁸ Hale R. Exhibiting the Revolution: expositions at the Museum of the Revolution in Leningrad in the 1920s and 1930s // *History*. Vol. 104. 2019. № 352. P. 649—676.

⁹⁹ Murray N. Street theatre as propaganda: mass performances and spectacles in Petrograd in 1920 // *Studies in Theatre and Performance*. Vol. 36. 2016. № 3. P. 230—241.

¹⁰⁰ Dutt B. October Revolution, echoes of the past: Lenin in popular sites and theatre // *Studies in Theatre and Performance*. Vol. 39. 2019. № 3. P. 224—239.

¹⁰¹ Koenker D.P. The Russian Revolution as a tourist attraction // *Slavic Review*. Vol. 76. 2017. № 3. P. 753—762.

¹⁰² Richter J. Taming the Revolution: the politics of memory 100 years after October // *History and Memory*. Vol. 31. 2019. № 2. P. 45—77.

¹⁰³ Rendle M., Lively A. Inspiring a «Fourth Revolution»? The modern revolutionary tradition and the problems surrounding the commemoration of 1917 in 2017 in Russia // *Historical Research*. Vol. 90. 2017. № 249. P. 230.

¹⁰⁴ Marks S.G. The global legacy of the Russian Revolution: a comparative perspective // *Revolutionary Russia*. Vol. 31. 2018. № 2. P. 4—5, 12.

¹⁰⁵ Dukes P. The global legacy of the Russian Revolution: a comparative perspective // *Revolutionary Russia*. Vol. 31. 2018. № 2. P. 185.

провёл параллели с современными революциями в разных регионах мира¹⁰⁶. К. Рид усомнился в такой трактовке: «Трудно понять, что в Феврале демократично» и «трудно объяснить, почему был недемократичен Октябрь»¹⁰⁷.

Параллельно с этим громко раздавались голоса и о «непреходящем значении» российской революции. По мнению Б. Пальмера и Д. Сангстера, 1917 г. «живёт в наших мыслях и действиях, в наших теориях и в наших чувствах», вне зависимости от политических воззрений. Это проявляется в нынешнем «кризисе капитализма», росте военных расходов и напряжённости в разных регионах мира¹⁰⁸. Д. Фридман и П. Рутланд убеждены, что идея борьбы с империализмом универсальна по своей природе и способна подстраиваться под разные политические и экономические условия. Падение социалистических систем вовсе не осушило этот источник вдохновения для борьбы с неравенством¹⁰⁹. Р. Марквик отметил, что сегодняшняя ситуация схожа с событиями столетней давности: «Бесконечная война, авторитарные государства, крайности богатства и бедности, расовое, национальное и гендерное угнетение». В стремлении к альтернативной социальной организации политики левого направления «невольно повторяют эгалитарные, освободительные импульсы гражданского общества, завещанные революциями 1917 г.»¹¹⁰.

Падение колониальных систем, освободительные движения и создание независимых государств на Балканах, в Азии, Южной Африке и Южной Америке — всё это и сегодня зачастую воспринимается как прямой, осязаемый результат российской революции¹¹¹. Её влияние исследователи видят, например, в «трёх большевистских годах» Барселоны и всеобщей стачке в Сан-Паулу¹¹². Всё чаще 1917 г. встраивается в контекст европейских и мировых кризисов XX в.¹¹³ Популярна идея, что без Октябрьской революции Россия не победила бы во Второй мировой войне, «третий мир» не получил бы свободу, а Запад никогда не при-

---

¹⁰⁶ *Orlovsky D.* The on-going legacy of February: a response to Steven G. Marks // *Revolutionary Russia*. Vol. 31. 2018. № 2. P. 189.

¹⁰⁷ *Read C.* Ten months that no longer shake the world... P. 126.

¹⁰⁸ *Palmer B.D., Sangster J.* Legacies of 1917: Revolution's *Longue Durée* // *American Communist History*. Vol. 46. 2017. № 1—2. P. 8.

¹⁰⁹ *Friedman J., Rutland P.* Anti-Imperialism: the Leninist legacy and the fate of World Revolution // *Slavic Review*. Vol. 76. 2017. № 3. P. 591—599.

¹¹⁰ *Markwick R.D.* Violence to velvet: Revolutions — 1917 to 2017 // *Slavic Review*. Vol. 76. 2017. № 3. P. 608, 609.

¹¹¹ *Siddiqui K.* The Bolshevik Revolution and the collapse of the colonial system in India // *International Critical Thought*. Vol. 7. 2017. № 3. P. 418—437; *Michels T.* The Russian Revolution in New York, 1917—19 // *Journal of Contemporary History*. Vol. 52. 2017. № 4. P. 959—979; *Kirschenbaum L.* The Russian Revolution and Spanish communists, 1931—5 // *Ibid.* P. 892—912; *Fouskas V.* Lenin's «Eastern Policy» and communism in Turkey and Greece, 1918—1923 // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. Vol. 22. 2020. № 2. P. 210—221; *Dukanovic D., Dašić M.* Effects of the ideas of the October Revolution in Russia on the foreign policy of Yugoslavia in the period 1945—1947 // *Ibid.* P. 259—274.

¹¹² *Rodriguez A.Z.* Lenin in Barcelona: the Russian Revolution and the Spanish *trienio bolchevista*, 1917—1920 // *Slavic Review*. Vol. 76. 2017. № 3. P. 629—636; *Biondi L., Toledo E.* Uma revolta urbana. A greve geral de 1917 em São Paulo. São Paulo, 2018.

¹¹³ См., например: *Stevenson D.* 1917: war, peace and revolution. Oxford, 2017; *The Russian Revolutions of 1917. The Northern impact and beyond* / Ed. by K.A. Myklebost, J.P. Nielsen, A. Rogatchevski. Boston, 2020; *Calleja E.G.* Anatomía de una crisis. 1917 y los Españoles. Madrid, 2017; *Bassin M., Richardson P., Kolosov V., Clowes E.W., Agnew J., Plokhly S.* 1917—2017: the geopolitical legacy of the Russian Revolution // *Geopolitics*. Vol. 22. 2017. № 3. P. 665—692.

шёл бы к государству «всеобщего благосостояния»¹¹⁴. Китайские исследователи особое внимание уделили «урокам Октября» для правящей Коммунистической партии¹¹⁵. В этом смысле заметных сдвигов 2017 г. не принёс. И. Ли с сожалением отметила, что значительная часть статей о связи Октября и современного Китая «страдала единообразием подходов и выводов». Тем не менее за официальной апологетикой приоткрылись острые дискуссии китайских историков о причинах, характере и значении российской революции¹¹⁶.

От «юбилейной» научной литературы далеко не всегда следует ждать прорывов. Конечно, и на рубеже XX—XXI вв. возникали «жестокие сражения между ревизионистами и традиционалистами»¹¹⁷, однако после 1991 г. споры о российской революции были уже отголоском ушедшей эпохи. Распад Советского Союза дал историкам возможность отойти от «парадигмы 1917 г.» и в целом — «отдохнуть» от неё. Сложно сказать, изменилось ли что-то принципиально к 2017 г. Старые сюжеты (рабочее движение, политическая борьба, партии) не отброшены и не забыты, но упоминаются редко. Новые — провинция, этнический фактор, гендер, религия — пока не привели к существенному переосмыслению произошедшего. Парадигма «континуума кризиса», бесспорно, сохранит влияние, однако в нынешнем виде она достигла своего апогея и будет вызывать всё больше сомнений. Неудивительно, что на столетние торжества, сколь бы масштабными они ни были, исследователи изначально возлагали мало надежд. И дело здесь не только в состоянии историографии, но и в общественном восприятии 1917 г. Какова бы ни была реакция в разных странах — равнодушие, игнорирование или апологетика, — везде отмечается недостаток новых подходов и идей, нет чёткого осознания места российской революции в современном мире. Во многом именно поэтому интерес к ней проявляется лишь в «юбилейные» годы. «Достигли ли мы конца революционной истории?» — спросил по этому поводу К. Рид¹¹⁸. Думается, что масштаб этого исторического события слишком велик, а столетие — слишком малый срок, чтобы говорить о революции как о прошлом.

---

¹¹⁴ *Barbosa W. do N.* One hundred years of learning: the Russian Revolution of 1917 // *Agrarian South: Journal of Political Economy*. Vol. 6. 2017. № 2. P. 221—236; *Pauwels J.R.* In praise of the October Revolution // *Journal of Labor and Society*. Vol. 21. 2018. № 2. P. 215—229; *Patnaik P.* Marxist theory and the October Revolution // *Journal of Labor and Society*. Vol. 21. 2018. № 2. P. 175—187.

¹¹⁵ См., например: *Li S.* The October Revolution: a new epoch in the world history // *International Critical Thought*. Vol. 7. 2017. № 3. P. 279—288; *Cheng E., Liu X.* The historical contribution of the October Revolution to the economic and social development of the Soviet Union. Analysis of the Soviet economic model and the causes of its dramatic end // *Ibid.* P. 297—308.

¹¹⁶ *Ли И.* Столетие Октябрьской революции в китайской политической, общественной и научной мысли // *Российская история*. 2018. № 6. С. 46, 47.

¹¹⁷ *Большакова О.В.* Поверх барьеров... С. 33.

¹¹⁸ *Read C.* Ten months that no longer shake the world... P. 124.